

ЯЗЫК И РЕЧЬ КАК ОСНОВЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ФОНЕМАТИЧЕСКОЙ, ФОНЕТИЧЕСКОЙ И ПРОСОДИЧЕСКОЙ СИСТЕМНОСТИ ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И. С. ТУРГЕНЕВА)

Буасаенг Раттанпорн

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 18 марта 2016 г.

Аннотация: предметом статьи является взаимодействие языка и речи в тексте. Рассмотрены вокальные звуки как фонемы и факты языка и как просодемы и факты речи. Задачей статьи было показать нерядоположенность значения фонем как совокупности дифференциальных признаков и значимости просодем как их речевых функций (смыслов) в тексте с целью выявления фонематической, фонетической и просодической системности текста.

Ключевые слова: язык, речь, текст, фонема, просодема, значение, значимость, системность.

Abstract: the subject of the article that is the intercommunion of language and speech in the text. The aim of the article appear the speculation of the stress sounds serve as phonemes and the facts of language, as prosody and the facts of speech. The purpose of article – to show neryadopolozhennost meaning of phonemes as a set of distinctive features and the consequence of their prosody of speech functions (intention) in the text. In order to identify phonemic, phonetic and prosodic system texts.

Key words: language, speech, text, phoneme, prosodies, meaning, significance, systemic.

В статье рассматриваются имена существительные в форме единственного и множественного числа с неподвижным ударением на гласном у, которое ассимилировало его исконную долготу и бывший староакутовый восходящий тон. Дериваты от этих имен иной частеречной отнесенности как более поздние по происхождению не описываются.

Становлению русского ударения уделяли внимание такие ученые, как В. В. Колесов [1, с. 5–6], А. А. Зализняк [2, с. 4], Р. Нахтигал [3, с. 166, 176–177], А. А. Припадчев [4, с. 6; 5, с. 18, 72–75] и др. Однако русское ударение в историческом и функциональном аспектах изучено недостаточно. На это обращает внимание В. В. Колесов:

«В отечественной науке изучению др.-р. просодической системы препятствовали многие обстоятельства, однако уже к началу нынешнего века вопрос о необходимости изучения русского ударения в историческом плане назрел и неоднократно обсуждался ведущими учеными. Из архивных материалов можно уяснить атмосферу поисков и те основные задачи, которые ставили перед собой исследователи. Однако единственным существенным результатом этих обсуждений явилась классическая монография Васильева о каморе, все остальное осталось в черновиках и бесследно исчезло. В советское время основное внимание уделялось изучению истории литературного языка, но даже в таких узких рамках акцентологические вопросы ставились очень редко. На долгие годы

единственным источником по истории ударения стали рукописи, введенные в научный оборот Васильевым.

В зарубежной литературе положение таково же: либо множество ошибочных суждений при отсутствии достоверного и обширного материала, либо скептические высказывания относительно самой возможности изучения др.-р. акцентуации (русские памятники с обозначением ударения появляются с XVII в. – Лер-Славинский; др.-р. ударение невозможно определить в деталях до XVI в., но нет сомнения, что ударение в XI–XII вв. было тем же самым, что и в современном литературном языке – Мэтьюс) и т.д. Появившееся недавно исследование Кипарского по истории русского литературного ударения подтвердило эффективность изучения древних памятников. Обобщения Станга и Иллич-Свитыча позволяют осмыслить всё многообразие др.-р. фактов, из которых наибольший интерес представляют акцентные, расходящиеся с современным русским литературным ударением» [1, с. 5–6].

О недостаточной изученности ударения не только в древнерусском и старорусском языках, но и в национальном русском литературном языке, а также и в его диалектах пишет и А. А. Зализняк: «Настоящая книга не претендует на всесторонний разбор истории русского ударения. Рассмотрены лишь некоторые узловые проблемы и узловые хронологические точки. В итоге достаточно ясно видны контуры развития, но, разумеется, многие частные звенья выпущены. Так, например, мы не рассматриваем интервал, отделяю-

ший старовеликорусский срез от современного, т.е. XVIII–XIX вв. Далее в книге лишь в очень ограниченной степени затрагивается проблематика ударения в современных русских говорах. Причины здесь прежде всего в недостатке систематической (а не разрозненной и случайной) информации об ударении в говорах. В самом деле, вопросы по ударению, входящие в диалектологические программы, затрагивают лишь малую часть тех слов или словоформ, сведения о которых необходимы для полной характеристики акцентной системы говора. С другой стороны, достаточно полных акцентных описаний отдельного говора в диалектологической литературе чрезвычайно мало; они никоим образом не составляют сетки, покрывающей великорусскую территорию» [2, с. 4].

Говоря о недостаточной изученности русского ударения как в диахроническом аспекте, так и в синхронном, названные выше ученые в своих собственных исследованиях увязывают вопрос об ударении с вопросом о количестве и тоне гласных. О необходимости объединения понятий «ударение», «количество» и «тон» в решении проблем просодии свидетельствуют и данные разных славянских языков. Р. Нахтигал пишет: «Праславянское различие долгих и кратких слогов сохранилось только в сербохорватском, словенском, чешском, словацком и словинском языках. Возможно, что это различие сохранял также и полабский язык. Утрата указанного выше различия произошла сравнительно поздно: в лужицком языке – в XVI в., в польском – в XV в., в русском языке долготы отмечались еще в XIV в. Утрачена долгота и в болгарском языке. Однако во всех этих языках сохраняются следы прежних количественных различий. <...>

Праславянское музыкальное ударение сохранили лишь сербохорватский и словенский языки. Во всех же других языках музыкальное ударение было заменено противоположным по качеству экспираторным, динамическим, ударением, сущность которого заключается в изменении силы, мощности воздушной струи при произношении. Однако следы прежнего музыкального ударения остались.

В русском языке они сохранились в различной двойкой постановке ударения в так называемых «полногласных» формах слов (го род – горо х) и в подвижности ударения в склоняемых и спрягаемых формах. Чешский язык сохраняет краткость и долготу, связанную с различиями исконной нисходящей и восходящей интонации. В польском языке следы бывшего музыкального ударения сохраняются в «суженном» произношении носовых гласных (соответствующем чешским долготам), различно отраженных под старой и новой акутовой интонацией.

В болгарском и полабском языках следы нисходящего ударения отражены в перестановке ударения на следующий слог. Это наблюдается также в словен-

ском языке. Место ударения в сербохорватском и словенском языках является свободным, т.е. ударение может падать на любой слог в слове. В русском и болгарском языках и частично в кашубском со словинским и полабским оно является еще и подвижным, т.е. может приходиться на различные слоги одного и того же слова. В чешском, словацком, лужицком и польском языках ударение постоянное, т.е. связано с определенным слогом. В польском языке оно падает на предпоследний слог; в чешском, словацком и лужицком – на первый слог. Место ударения в русском языке и в чакавских говорах сербохорватского языка обычно совпадает. Это наиболее надежный источник для определения места праславянского ударения» [3, с. 166, 176–177].

При дальнейшем изучении русского ударения необходим переход от фонетики к просодии, так как характер русского ударения зависит от былых количеств и тонов гласных. В продвижении от фонетики к просодии на первое место в анализе материала выходит не понятие «фонема», а понятие «просодема». Если гласные фонемы современного русского языка отличаются такими дифференциальными признаками, как ряд, подъем, лабиализации/нелабиализации, то просодемы русского языка, выявляясь прежде всего исторически, имеют другие дифференциальные признаки – ударность, былые долготу и краткость и былые восходящий и нисходящий тоны.

В системе языка количество и тон гласных уже во многом не распознаются, хотя до сих пор они сказываются на распределении русских гласных, например по подъему (исконно долгие – верхнего подъема, исконно краткие – среднего). Однако в системе речи представления о количестве и тоне гласных сохраняются, так как они во многом определяют характер русского уже не музыкального, а динамического, силового ударения, а именно: его неподвижность и подвижность.

Просодически выделенными неподвижным ударением по основе в формах единственного и множественного числа (без дериватов, обычно более поздних по происхождению, чем имя существительное), которое ассимилировало исконную долготу гласных и староакутовый восходящий тон, в нашей работе являются следующие синтаксемы, выбранные из произведений И. С. Тургенева.

Молодой парень скоро появился с большой белой кружкой, наполненной хорошим квасом, с огромным ломтем пшеничного хлеба и с дюжиной соленых огурцов в деревянной миске <...> [6, с. 9].

С крúжкой – исконно долгий, бывший восходящий тон; смысл – щедрый.

... Он поставил все эти припасы на стол, прислонился к двери и начал с улыбкой на нас поглядывать.

Не успели мы доесть нашей закуски, как уже телега застучала перед крыльцом [6, с. 9].

Заку́ски – исконно долгий, бывший восходящий тон; смысл – насилие.

...Я прикажу бабам послать тебе простыню и положить подушку [6, с. 14].

Поду́шку – исконно долгий, бывший восходящий тон; смысл – гостеприимный, вежливый.

Русский человек так уверен в своей силе и крепости, что он не прочь и поломать себя: он мало занимается своим прошедшим и смело смотрит вперед. Что хорошо – то ему нравится, что разумно – того ему и подавай, а откуда оно идет – ему все равно. Его здравый смысл охотно подтрунит над сухопарым немецким рассудком; но немцы, по словам Хоря, любопытный народец, и поучиться у них он готов <...> [6, с. 19].

Над рассу́дком – исконно долгий, бывший восходящий тон; смысл – готов поучиться у немцев.

Впрочем, как он умен ни был, водились и за ним многие предрассудки и предубеждения. Баб он, например, презирал от глубины души, а в веселый час тешился и издевался над ними [6, с. 19].

Предрассу́дки – исконно долгий, бывший восходящий тон; смысл – предрассудки.

Внутренность леса постепенно темнеет; алый свет вечерней зари медленно скользит по корням и стволам деревьев, поднимается все выше и выше, переходит от нижних, почти еще голых, веток к неподвижным, засыпающим верхушкам... Вот и самые верхушки потускнели; румяное небо синее [6, с. 22].

Верху́шки – исконно долгий, бывший восходящий тон; смысл – красота природы.

И действительно: хотя Валетка поражал даже равнодушного прохожего своей мерной художбой, но жил, и долго жил; даже, несмотря на свое бедственное положение, ни разу не пропал и не изъявлял желанья покинуть своего хозяина. Раз как-то, в юные годы, он отлучился на два дня, увлеченный любовью; но эта дурь скоро с него соскочила [6, с. 24].

Ду́рь – исконно долгий, бывший восходящий тон; смысл – любовь.

Что ни говорите... сердца, чувства – в этих людях не ищите! Как волка не корми, он все в лес смотрит... Вперед наука! Но я желал только доказать вам...

Чу́ства – исконно долгий, бывший восходящий тон; смысл – о бессердечных людях.

Ходил он и двигался без всякого шума; чихал и кашлял в руку, не без страха; вечно хлопотал и возился втихомолку, словно муравей – все для еды, для одной еды. И точно, не заботясь о своем пропитании, – умер бы мой Стёпушка с голоду [6, с. 40].

Без шу́му – исконно долгий, бывший восходящий тон; смысл – тихий.

Просодически выделенными неподвижным ударением по основе в формах единственного и множественного числа (без дериватов, обычно более поздних по происхождению, чем имя существительное), которое ассимилировало исконную долготу гласных и староакутовой восходящий тон, в нашем материале являются следующие синтаксемы: с кру́жкой, заку́ски, су́мку, поду́шку, над рассу́дком, предрассу́дки, вну́тренность, верху́шки, ду́рь, чу́ства, с шу́мом, без шу́му и др. В ряду приведенных синтаксем есть слова с конкретным и абстрактным значениями (с кру́жкой, с шу́мом), древние и новые (поду́шка, ду́рь), исконные и заимствованные (в чу́ства, предрассу́дки). Вместе с тем просодия как один из важнейших уровней речи нейтрализует эти новации и «приобретения» неизменностью позиций ударностей на основе и их неподвижностью. В свою очередь, неподвижность, являясь результатом ассимиляции долготы и восходящего тона, нейтрализует языковую противопоставленность гласных фонем у и, например, а, и, ы по ряду, подъему и лабиализации/нелабиализации в пользу таких речевых признаков просодемы, как ударность (сила), количество и тон. Механизм речемыслительной деятельности очевиден: язык различает, а речь отождествляет.

Просодическое выделение синтаксем неподвижностью ударения на у не случайно. В тексте такие синтаксемы выполняют конкретную речевую функцию, участвуя в выражении того или иного смысла. Рассмотренные синтаксемы участвуют в обозначении следующих смыслов: «щедрость», «насилие», «гостеприимство», «вежливость», «готовность», «предрассудки», «красота», «любовь», «бессердечность», «тишина» и др.

Протяженность во времени исконно долгого гласного у под бывшим староакутовым восходящим тоном сообщается и типу композиционных форм речи. В основном такая просодема отмечается в *описании* и *рассуждении*. Важно и то, что через смыслы как речевые функции синтаксем с неподвижным ударением на у, а также а, и, ы мы приближаемся к фрагментам художественной картины мира И. С. Тургенева.

Итак, в теории проведенного исследования акцентируются понятия «язык» и «речь». Сущность языка заключается в различительном означивании. Такое означивание приводит к выявлению языковой фонематической системности текстов и к идентификации фонем: гласные фонемы имеют инвариантные дифференциальные признаки ряда, подъема, лабиализации/нелабиализации; согласные имеют признаки места, способа образования, уровня шума, голоса, твердости и мягкости. Сущность речи заключается в сходном означивании, в отождествлении. Такое означивание приводит к другому результату – к выявлению

речевой фонетической системности текста и к идентификации звука, например, ь как следствия нейтрализации противопоставления гласных фонем *o* и *a* по ряду, подъему и лабиализации/нелабиализации в слабой безударной позиции. Или к идентификации звука ь как результата нейтрализации противопоставления гласных фонем *и* и *е* по ряду и подъему тоже в слабой безударной позиции. Речевое сходное означивание приводит и еще к одному важному результату – к выявлению речевой просодической системности текста и к идентификации просодемы, «бестелесного» означающего, по словам Ф. де Соссюра [7, с. 151], как следствия нейтрализации, например, фонем *a*, *и*, *ы*, *у* или фонем *o*, *е* по ряду, подъему, лабиализации/нелабиализации в сильной ударной позиции неподвижностью ударения как рефлекса их исконной или переходной долготы и старого и нового восходящих тонов. Язык как жесткая система различения в данных истории отличается сменностью состава фонем. Речь как гибкая система отождествления в данных истории

обнаруживает большую устойчивость, особенно, просодем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колесов В. В. История русского ударения / В. В. Колесов. – Л., 1972. – 255 с.
2. Зализняк А. А. От праславянской акцентуация к русской / А. А. Зализняк. – М. : Наука, 1985. – 428 с.
3. Нахтигал Р. Славянские языки / Р. Нахтигал. – М. : Изд-во иностр. лит-ра 1963.
4. Припадчев А. А. Историческая грамматика русского языка : учеб. пособие / А. А. Припадчев. – Воронеж, 1996. – 76 с.
5. Припадчев А. А. Сравнительная фонетика славянских языков : учеб. пособие / А. А. Припадчев. – Воронеж, 1994. – 85 с.
6. Тургенев И. С. Записки охотника / И. С. Тургенев // Тургенев И. С. Полное собр. соч. : в 30 т. 2-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык, 1979. – Т. 3.
7. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / де Ф. Соссюр. – М. : Прогресс, 1977. – 696 с.

*Воронежский государственный университет
Буасаенг Раттанаторн, аспирант кафедры славянской филологии
E-mail: kovalev@phil.vsu.ru*

*Voronezh State University
Buasaeng Rattanaporn, Post-graduate Student of the
Slavonic Philology Department
E-mail: kovalev@phil.vsu.ru*